

§3 ВОЙНА И МИР

Самохин К. В.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ДУХОВНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ (С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МАТЕРИАЛОВ ПО ТАМБОВСКОМУ КРЕСТЬЯНСТВУ)

Аннотация. Статья посвящена исследованию военного фактора как механизма российской модернизации в 1914–1940 гг. Автор ставит в качестве основной цели анализ влияния Первой мировой войны на переход Российского государства от аграрного общества к индустриальному в духовном плане. Определяются основные установки менталитета российского крестьянства, такие как патернализм, религиозность, монархизм, общинный коллективизм, уравнительное землепользование, и их трансформации в ходе российской модернизации в годы Первой мировой войны и в межвоенный период. Акцентируется внимание на необходимости органичности модернизационных процессов в России как залого их успешной реализации, так как переход Российской империи от аграрного общества к индустриальному носил неорганический характер, выразившийся в асинхронности экономических, политических, социальных и духовных преобразований. Научной новизной работы является интерпретация войны как своеобразного «Вызова» к российской (славянской) цивилизации, «Ответом» на который стала модернизация России в указанный период. Основным выводом является положение о том, что Великая война 1914–1918 гг. явилась наиболее сильным «катализатором» для российских модернизационных процессов, по сравнению с предыдущими военными конфликтами с участием Российской империи. Это обусловило формирование отклоняющейся модели российской модернизации, выразившейся в создании советского варианта российского общества в духовном плане.

Ключевые слова: Первая мировая война, модернизация, духовная сфера, менталитет, органичность российской модернизации, монархизм, религиозность, патриархальность, общинный коллективизм, уравнительное землепользование.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 14-01-00277

Review. *The article is devoted to the study of the military factor as a mechanism of Russian modernisation in 1914–1940. The author's main goal is to conduct an analysis of the impact of the First World War on the transition of the Russian state from the agrarian society to the industrial one in terms of spirituality. The article defines the major mental attitudes of Russian peasantry, such as paternalism, piety, monarchism, social collectivism, equalitarian land utilisation, and their transformations in the course of the Russian modernisation during the First World War and interbellum period. The article put special emphasis on the need for organic modernisation processes in Russia as a prerequisite for their successful implementation, because the transition of the Russian Empire from agrarian to industrial society was not of organic nature, which was expressed in asynchronous of economic, political, social and spiritual transformations. The academic novelty of the paper is the interpretation of war as a kind of a «challenge» for the Russian (Slavic) civilisation, and the «response» was the modernisation of Russia in that time. The main conclusion is the assumption that the Great war (1914–1918) was the strongest «accelerator» for the Russian modernisation processes, compared to previous military conflicts involving the Russian Empire. This justified the formation of the deviant model of Russian modernisation, which was expressed in the Soviet variant of the Russian society in terms of spirituality.*

Keywords: *First World War, modernisation, spiritual sphere, mentality, organicity of Russian modernisation, monarchism, piety, paternalism, social collectivism, equalitarian land utilisation.*

К 100-летию начала
Первой мировой войны

Первая мировая война с самого начала стала демонстрировать масштабность событий, имевших распространение на весь земной шар. Это дало основание ученым гуманитарной направленности, и в первую очередь историкам, трактовать её не как простой факт, а как целое явление в мировой истории. Такая широкая интерпретация Великой войны 1914–1918 гг., как её долгое время называли, обусловлена, несомненно, широким охватом боевыми действиями различных географических территорий, когда в её битвах приняло участие чуть более половины государств, обладавших на тот момент суверенитетом, а население, проживавшее в то время в этих странах, составляло около 87% всех жителей Земли¹. Однако не только данные цифры позволяют сделать вывод о грандиозности обозначенного явления, речь идет о последствиях, к которым привела Первая мировая война для исторического процесса в целом. Она открыла череду войн, в ходе которых рождалась новая тенденция мирового развития — глобализация. С Первой мировой войны начинается очередной этап всеобщей истории, когда европоцентризм перестал быть единственным образцом при выборе траектории дальнейшего пути для многих стран, а индустриальное общество стало демонстрировать исчерпаемость своих возможностей, что являлось доминирующей предпосылкой для формирования цивилизации нового типа — постиндустриальной. Именно поэтому Первая мировая война по степени

своей важности существенно превзошла все предыдущие военные конфликты, даже те, которые имели общеевропейский охват (к примеру, Тридцатилетняя, Семилетняя и Наполеоновские войны). Её воздействие сказалось не только на всех народах, проживающих на земном шаре, но и на всех сферах жизнедеятельности общества. Другими словами, Великая война 1914–1918 гг. имела не только горизонтальный фактор своего влияния, проявляющийся в географическом плане, но и вертикальный, выразившийся в социально-структурных основах.

Особенно велика была её значимость для духовной сферы, когда Первая мировая война серьёзнейшим образом изменила ментальные установки в мировоззрении народов, определявших лицо тогдашнего миропорядка: «Первую мировую войну ... можно рассматривать не только как военное или социально-политическое явление (основное в данном случае), но и как «духовную брань», не только как противостояние, соперничество государственных идеологий и притязаний, но и как столкновение внутренних установок национальных и социальных менталитетов народов стран-участников, столкновение различных способов видения мира, образов мысли и общего строя ума, традиционных (то есть сложившихся исторически) для каждого народа и несопрягаемых с подобной системой внутренних установок общества»².

Чудовищные разрушения, массовые человеческие жертвы (более 15 млн. убитых и 20 млн. раненых³), имевшие место в ходе Великой войны

¹ Пиков Г. Г. Первая мировая война и «закат» Европы // Идеи и идеалы. 2010. № 4 (6). Т. 1. С. 62.

² Полежаев Д. В. «Золотой век» русской философии и Первая мировая война // Первая мировая война: история и психология: Материалы Российской научной конференции. СПб, 1999. С. 13.

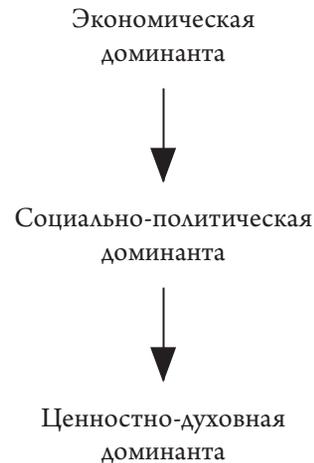
³ Пиков Г. Г. Первая мировая война и «закат» Европы. С. 63.

1914–1918 гг., произвели кардинальные изменения в мировоззренческих установках человечества в начале XX века. Рационализм, господствовавший в философской мысли с Нового времени, стал уступать место иррационализму. Вера во всемогущество человеческого разума, при помощи которого можно достигнуть необозримых высот в дальнейшем развитии общества, стала быстро таять перед ужасами военного времени. Появились пророчества о скорой гибели европейской цивилизации¹, но при этом делались попытки найти выход из духовного тупика, в котором оказалось тогдашнее общество и который ярко выразился в умонастроениях так называемого «потерянного поколения». Так, в европейской, в первую очередь, философской мысли возникли идеи экзистенциальной направленности.

Для России духовный переворот проявился в другом русле. Начиная с правления Петра I главной тенденцией развития Российской империи стала модернизация. Однако в отличие от европейских стран в Российском государстве она имела в качестве основной черты неорганичность², которая проявилась в асинхронности её процессов: в XVIII веке имели место экономические преобразования, затем пальма первенства перешла в социальную сферу, а в начале XX века на первый план выдвинулись политические трансформации. Именно эта тенденция обусловила медленное и проблематичное протекание модернизационных процессов в Российском государстве.

Сам термин «модернизация» понимается нами как переход от аграрного общества к индустриальному, который носит комплексный характер и имеет место во всех сферах жизнедеятельности общества: в экономике намечаются основы построения рыночной системы и индустриализация; в социальной сфере присутствуют рост социальной мобильности и урбанизация; в политике происходит складывание гражданского общества и правового государства; духовная сфера характеризуется возникновением мультикультурализма, базирующегося на общечеловеческих ценностях³.

Исходя из выше приведенных рассуждений, необходимо определить модернизационный тренд, имевший место в Российском государстве начиная с XVIII века:

При этом войны в судьбе российской модернизации сыграли определяющую роль. Они являлись, пользуясь терминологией А. Дж. Тойнби, «вызовом» к российской (славянской) цивилизации на пути модернизационных преобразований. Английский философ интерпретировал «вызовы» как «ситуацию особой сложности, которая побудила его [человека — К. С.] предпринять беспрецедентную до того попытку»⁴. Именно указанная «попытка», т.е. «ответ», приводит человека к новой стадии своего развития — цивилизации⁵.

На вопрос «Почему Россия должна была иметь «вызовы» западной цивилизации в качестве первостепенной основы для своего дальнейшего развития?» у А. Дж. Тойнби можно найти следующий ответ: «Начиная с окончившейся неудачей второй осады турками Вены в 1683 г. вплоть до поражения Германии во Второй мировой войне 1939–1945 гг. Запад как целое настолько превзошел в своей власти весь остальной мир, что фактически не осталось никого, с кем западные державы могли бы считаться за пределами своего круга»⁶. Иными словами, страны Западной Европы, начав осуществлять органичную модернизацию с XV–XVI веков, настолько преуспели в своем развитии, что смогли себе позволить, в определенном смысле, мессианскую роль, распространяя свой образец, свою модель траектории дальнейшего пути на более широкий круг цивилизаций традиционного типа. При этом Тойнби выявил три «ответа» российской цивилизации на «вызов» Запада, связанный преимущественно с технологическими достижениями последнего:

¹ Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность. Минск, 2009.

² Красильщиков В. А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 47.

³ Модернизация России и Европа: материалы круглого стола, проведенного 18.03.2004. URL: http://www.zlev.ru/41_40.htm.

⁴ Тойнби А. Дж. Исследование истории: В 3 т. Т. 1. СПб., 2006. С. 395.

⁵ Тойнби А. Дж. Исследование истории: В 3 т. Т. 1. С. 143–157.

⁶ Тойнби А. Дж. Исследование истории: В 3 т. Т. 3. С. 197.

1. Серьёзное противодействие России, выразившееся в виде «фанатичной секты староверов».

2. «... радикальное «иродианство», нашедшее своего гениального представителя в Петре Великом».

3. «Позорный крах военных усилий России в Первой мировой войне 1914–1918 гг. выявил страшную реальность, показав, что проводившаяся в течение более двух веков петровская политика вестернизации оказалась не только нерусской, но также и безуспешной. Она не выполнила взятые на себя обязательства, и в этих обстоятельствах долго подавлявшаяся претензия на уникальность судьбы России вновь заявила о себе в коммунистической революции»¹.

Английский философ, пусть и неявно, обозначил указанный выше неорганичный характер перехода Российского государства от традиционного общества к современному, особо подчеркнув необходимость именно духовной модернизации: «Секрет ошеломляющего успеха современного Запада состоял в мастерской кооперации духовного и светского оружия. Проломы, произведенные взрывом современной западной технологии, открыли путь для духа современного западного либерализма. Чтобы реакция России на Запад была успешной, она должна состязаться с Западом за духовную преданность всех ныне живущих обществ, по своим местным культурным традициям, не являющихся ни западными, ни русскими»².

А. Дж. Тойнби классифицировал «вызовы» следующим образом:

- 1) стимул суровых стран;
- 2) стимул новой земли;
- 3) стимул ударов;
- 4) стимул давлений;
- 5) стимул ущемления.

Войны были отнесены английским философом к «стимулу ударов», но только в том случае, когда «неожиданное сокрушительное поражение способно стимулировать побеждённую сторону к приведению своих дел в порядок и подготовке победоносного ответа»³. Таким образом, не всякий военный конфликт имел определяющее значение для развития модернизационных процессов в Российском государстве. Война воздействовала решающе только в том случае, если противником России являлись государства западной цивилизации,

военные действия носили масштабный характер, а их результативность была отрицательной для российской стороны. По данным параметрам следует выделить Северную, Крымскую, Русско-японскую и, безусловно, Первую мировую войны.

Северная война стала главным фактором, который заложил основы экономической модернизации России, когда мощными темпами стало развиваться мануфактурное производство, была упорядочена налоговая система, формировались начала рыночной экономики, выражавшиеся в реализуемых Петром I протекционизме и меркантилизме⁴. Крымская война явилась определяющей причиной отмены крепостного права — доминирующего фактора, который тормозил раскручивание маховика социальной модернизации⁵. Русско-японская война 1904–1905 гг. привела к созданию дуалистической монархии — определённого промежуточного состояния на пути перехода Российской империи от абсолютизма к конституционной монархии и республике, что необходимо трактовать как начало политической модернизации⁶. Духовная же модернизация России к началу XX века находилась в зачаточном состоянии, её какие-либо серьёзные проявления с петровских времен можно обнаружить только у высших слоев российского общества, в первую очередь — у дворянства, составлявшего к началу XX века около 2% от численности населения Российского государства. Менталитет же крестьянства, представлявшего собой в тот период большинство населения Российской империи, не подвергся каким-либо значительным изменениям.

Основная задача данной статьи — определить влияние Первой мировой войны на процессы духовной модернизации России. Думается, что представленный эмпирико-исторический анализ будет полезен для более широких историко-методологических, историософских и социально-философских обобщений, а также для оценки и возможной корректировки современного курса реформ с учетом стратегии, выбранной В. В. Путиным на второй

¹ Тойнби А. Дж. Исследование истории: В 3 т. Т. 3. С. 202.

² Тойнби А. Дж. Исследование истории: В 3 т. Т. 3. С. 203.

³ Тойнби А. Дж. Исследование истории: В 3 т. Т. 1. С. 398.

⁴ Самохин К. В. Северная война: первый опыт российской модернизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 8 (14). С. 181–182.

⁵ Самохин К. В. Социальная модернизация России во второй половине XIX — первые годы XX веков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 5 (31). Ч. 2. С. 168–172.

⁶ Самохин К. В. Модернизация Российской империи в начале XX века // Политика и общество. 2014. № 1. С. 47–60. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.1.9442.

срок своего президентства¹ и подтвержденной Д. А. Медведевым в 2009 г.²

Духовная модернизация складывается из следующих характерных черт: формирование общечеловеческих ценностей на основе развития образования, установление светского образа жизни, различных видов плюрализма (религиозного, научного, философского и т. д.); приобщение широких слоев населения к достижениям культуры; дифференциация, с одной стороны, и интеграция, с другой, разнообразных типов культур и цивилизаций. Потому для её успешного завершения необходимо изменение базовых ценностных установок, менталитета.

Сам термин «менталитет» имеет достаточно длительную практику употребления. Его выводят из периода средневековой схоластики, когда в XIV веке прилагательное *mentalis* означало принадлежность разуму, рассудку, уму³. Впервые его применил Л. Леви-Брюль, который в 1922 г. сделал вывод о различии между мышлением первобытных и современных людей⁴. Но в широкий оборот понятие «ментальность» было введено историками «Школы Анналов», которая совершила определенный поворот в парадигме исторического знания. Он заключался в переходе к исследованиям человека и его сознания. Именно в «Школе Анналов» сложились три наиболее перспективных исследовательских направления: «1) история интеллектуальной жизни, которая представляет собой изучение социальных навыков мышления; 2) история ментальностей, т. е. история коллективных автоматизмов в ментальной сфере; 3) история ценностных ориентаций»⁵.

В отечественной науке понятие «менталитет» стало активно обсуждаться в конце 1980-х — начале 1990-х гг., что было обусловлено распадом Советского Союза. Россия оказалась в тот момент на распутье, когда нужно было выбирать дальнейший путь своего развития. Обсуждение возможных альтернатив выводило ученых, в том числе, и на про-

блему «таинственной русской души», что увязывалось со своеобразием российского менталитета⁶.

Более глубокий анализ категории «менталитет» приводит практически всех исследователей к тому выводу, что она имеет междисциплинарный характер и каждая из наук дает свое собственное ее объяснение⁷. Исходя из многочисленных дефиниций, понятие «менталитет» следует определить как совокупность ценностных установок и образа мышления людей, сложившихся под воздействием окружающих культурно-цивилизационного и природного пространств и определяющих их поведение.

Основными ценностями, обозначившими крестьянский менталитет в России, в том числе и к началу XX века, были: патриархальные отношения (или патернализм), религиозность, монархизм, принципы уравнительного землепользования (или социальная справедливость), общинный коллективизм, сочетающийся с индивидуальными началами⁸. Данные установки, безусловно, следует отнести к ментальным конструкциям традиционных обществ. Первая мировая война начала изменять указанные особенности менталитета российского крестьянства.

Патернализм проявлялся, в первую очередь, в главенстве мужчины, а конкретно — большака, который обладал неограниченной властью в русской крестьянской семье⁹. Однако прочность патриархальных отношений в период Великой войны 1914–1918 гг. подверглась серьёзным испытаниям. Призыв около половины трудоспособных мужчин в армию выводил в хозяйственно-экономическом плане на первое место женщин, когда они фактически становились основной производственной единицей в экономике страны в целом и крестьянско-

⁶ Российская ментальность. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 3–53.

⁷ Кусов В. Г. Категория ментальности в социологическом измерении С. 132–135; Акопов Г. В., Иванова Т. В. Феномен ментальности как проблема сознания // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 1. С. 47–55.

⁸ Кожевникова Л. М. Роль крестьянской общины в аграрной истории и судьбе России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 7 (13). Ч. 3. С. 85–90; Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918). Екатеринбург, 2000. С. 91–102.

⁹ Безгин В. В. Положение членов крестьянской семьи по правовым обычаям русского села // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 2 (8). Ч. 2. С. 13

¹ Модернизация России и Европа: материалы круглого стола, проведенного 18.03.2004.

² Медведев Д. Россия, вперед! 10 сентября 2009 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/news/5413>.

³ Кусов В. Г. Категория ментальности в социологическом измерении // Социс. 2000. № 9. С. 132.

⁴ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.

⁵ Ле Гофф Ж. С небес на землю: (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII — XIII вв.) / Одиссей. Человек в истории: Культурно-антропологическая история сегодня: Сборник. М., 1991. С. 26.

го хозяйства в частности. Новый семейный статус, приобретаемый женщинами, создавал необходимость повышения их образовательного уровня. Эти тенденции ставили под сомнение доминирующую роль мужчины в крестьянской семье, что подтверждается, к примеру, отмечаемой историками такой чертой, как «бабий бунт»¹.

Другие свидетельства снижения патернализма в крестьянской среде связаны с имущественной дифференциацией внутри семьи, участившимися случаями семейных разделов, что, в целом, влекло за собой потерю безраздельной власти старшими поколениями над младшими. Данные явления иллюстрируются размышлениями одного из солдат, которые были записаны С. З. Федорченко, работавшей сестрой милосердия в годы Первой мировой войны: «Затрещат теперь семейства. Не слепить детей с отцом-матерью, мужика с женою прежнею. Выйдут на новую жизнь одинокими»².

Религиозность, которая долгое время являлась одной из главных установок крестьянского менталитета в России, также стала проявлять тенденцию к снижению своего уровня. Это подтверждается все теми же высказываниями солдат: «Я ли не терпел, не маливал, все на Бога возлагал, после смерти за долготерпенье счастья ожидал. Однако в последние часы до того готов был, совсем от церкви отпал, хоть дьяволу душу впору отдать. Теперь я человек, а после смерти не моя забота, а жить выучился...», «Ты Бога оставь, пусть его себя на небе сидит, это теперь не первой важности занятие. Ты страну нашу присмотри. Только сопливость свою помни, а то ахнешь в министры, так только одной думкой и прогредишь, — ставьте, мол, трактир на весь мир, всего-то и занятия твоего до сей поры было...», «Сидел Господь высоко, на людскую тьму глазеть не любил, живите, мол, как придется, мы и обиделись: ты без нас, так и мы без тебя и справились...», «Вот уж сколько-то дней без богов живем, и ничего, будто лучше. И дальше попробуем. А уж внуки-то и знать не будут, какую мы от богов острастку терпели...»³.

Здесь также необходимо отметить и демографическое поведение крестьянства, долгое время

определявшееся правилами церковной регламентации. Однако в годы Первой мировой войны оно начало подвергаться значительным трансформациям, которые свидетельствовали о снижении влияния церкви на повседневную жизнь крестьян⁴.

Сложившаяся в течение веков и прочно укоренившаяся в крестьянском сознании вера в «доброе царя-батюшку», которая фактически олицетворяла собой монархизм менталитета крестьян, поколебалась в начале XX века, особенно период Первой русской революции 1905–1907 гг. Эта тенденция продолжила свое успешное формирование и в годы Великой войны 1914–1918 гг. Следует заметить, что начало войны ознаменовалось широким патриотическим подъёмом среди русского населения, который в 1915–1916 гг. стал сменяться отрицательным отношением крестьян к войне в целом и к монархии в лице императора и его окружения в частности. Причины указанной трансформации очевидны: длительность боевых действий приводила к разорению крестьянских хозяйств, усталости от войны, что не могло не вызывать отрицательные эмоции у солдат и членов их семей, оставшихся в тылу⁵. В доказательство вновь приведем высказывания фронтовиков, которые свидетельствуют об их негативном отношении к Николаю II и его окружению: «Царь, говорит, это дуб большой, ветвистый. Ветки те — министры да князья разные управляющие. Дуб-то свернете — обломятся и ветки, люди нужные да большие. А тот ему: с корнем дуб тот выкорчевать, ни желудя не оставить. Оплея корни землю, последние соки тянул. А ветками солнца лишал. Ненадобен нам дуб такой и ветки его гибельные. Свое взрастим», «Сперва-то Распутин хорошо будто народу служил, да переманили его баре, золотом купили, и на баб обласел. Вот и продал он народ, хоть и наш был, серый человек»⁶.

Несмотря на видимые серьезные подвижки в крестьянском менталитете в годы Первой мировой войны принципы уравнительного землепользования и общинного коллективизма не подверглись существенным трансформациям. Эти установки были по-прежнему сильны, а к концу войны ещё

¹ Мясникова Н. В. Женский протест и его роль в исторических событиях // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 4 (10). Ч. 3. С. 120–121; Щербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX вв. Монография. Тамбов, 2004. С. 222–234, 243–250.

² Федорченко С. З. Народ на войне. М., 1990. С. 141.

³ Федорченко С. З. Народ на войне. С. 138, 140.

⁴ Самохин К. В. Тамбовское крестьянство в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.): Монография. СПб., 2004. С. 62–78.

⁵ Безгин В. Б. «Царь-Батюшка» и «Народ-Богоносец» (крестьянский монархизм конца XIX — начала XX вв. // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета: сборник научных трудов. Вып. 2. СПб., 2004. С. 29–34.

⁶ Федорченко С. З. Народ на войне. С. 86, 88.

больше укрепились под воздействием проводимой большевиками пропаганды. Подтвердить обозначенную тенденцию следует постоянно витавшей среди крестьян идеей «черного передела», когда во многих письмах солдат к своим семьям в 1915–1916 гг. высказывалось намерение самоуправно отобрать земли у немцев, а затем и у помещиков¹. Кроме того, общинные отношения были главным фактором, который позволял крестьянским хозяйствам выжить, остаться на плаву в непростых условиях военного времени.

Таким образом, в период Великой войны 1914–1918 гг. наметились основы духовного переворота в менталитете русских крестьян. Однако Первая мировая война привела к более существенным последствиям для Российской империи. Главным из них являются революционные события 1917 г., которые изменили сущность Российского государства. Несмотря на то, что многие историки выражают серьёзные сомнения в непосредственной детерминации Первой мировой войной Февральской и Октябрьской революций 1917 г., их прочную взаимосвязь никто из них не отрицает. Чаще всего войну, в данном случае, трактуют как катализатор революционного процесса². Так или иначе, Великая война 1914–1918 гг. сыграла одну из главных ролей в дальнейших трансформациях России, когда после её окончания был проведен беспрецедентный по своим масштабам и последствиям эксперимент по созданию идеократического государства, который коренным образом изменил ментальные установки всего российского общества в целом и крестьянства в частности.

Советская власть в качестве главной идеи развития нового государства определила построение коммунистического общества. Именно этот тезис стал основополагающим для осуществляемой политики во всех сферах жизнедеятельности общества, в том числе — в брачно-семейных отношениях.

Как было сказано выше, одним из базовых ментальных принципов существования русской крестьянской семьи был патернализм, или патриархальность, который опирался на власть большака. На первых порах институт семьи признавался советским руководством абсолютно ненужным, так как связывался в первую очередь с буржуазной моделью семейных отношений, сформировавшейся в Российской империи. Новыми установками,

провозглашенными Советской властью по отношению к семье, стали светскость брака и создание общественных институтов, которые должны были прививать подрастающему поколению коммунистическую мораль.

На снижение уровня патриархальности серьёзным образом влиял процесс урбанизации, который влек за собой увеличение количества семей городского типа, а также широкое распространение стандартов городской жизни. Семья при этом прекращала играть роль производственной единицы, что приводило к «саларизации» труда. Кампания по «ликвидации безграмотности», проводимая Советской властью в 1920-е — 1930-е гг., существенно увеличивала долю образованного населения, особенно женского.

В межвоенный период изменение отношений в семье шло по уже наметившейся в годы Первой мировой войны траектории, связанной с повышением семейного статуса женщины. Это объясняется не только всеми выше перечисленными обстоятельствами, но и расширением занятости женского населения в производственной деятельности. Параллельно этот фактор приводил к тому, что женщина уже не могла уделять много времени воспитанию детей. Улучшение ситуации с медицинским обслуживанием влекло за собой сокращение детской смертности, а это означало значительное увеличение затрат на социализацию подрастающего поколения. Обозначенные выше тенденции ставили под сомнение дальнейшее существование в Советском государстве семьи традиционного патриархального типа и смещали вектор её развития в сторону нуклеаризации³.

Основы политики Советской власти в отношении семьи стали трансформироваться начиная с конца 1920-х гг., когда центральным стал тезис «от принципа человек для семьи — к принципу семья для государства». Внешне это выглядело как восстановление старой патриархальной семьи, а на деле приводило к новой идеологической установке в отношениях «государство — общество — семья»: на авторитарном принципе семейных отношений базировался авторитарный принцип управления обществом⁴. Реальное положение дел необходимо охарактеризовать следующим образом: «Разрушение традиционной крестьянской жизни, резко усилившееся с конца 1920-х годов, массовая миг-

¹ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 9655. Л. 9.

² Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquiuma). СПб., 1999. С. 531–557.

³ Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006. С. 67–69, 86–87.

⁴ Демографическая модернизация России, 1900–2000. С. 78–86.

рация в города, изменение характера трудовой деятельности, снижение смертности и рождаемости, рост образования, развитие системы внесемейного воспитания, — все это лишь небольшая часть списка перемен, которые взломали привычный семейный уклад россиян. Мир, в котором существовала семья, стал иным, не могла не измениться и семья: её основополагающие функции, образ жизни, ритм формирования, семейные роли, внутрисемейные отношения, семейная мораль — все это вступило в полосу обновления»¹.

Таким образом, развитие советской семьи в межвоенный период шло по пути отклоняющейся траектории модернизации. Органичный переход от традиционного общества к современному в данном случае должен иметь линию «от принципа человек для семьи — к принципу семья для человека», однако идеологические установки и политический курс, имевшие место в Советском государстве, деформировали эту направленность, приведя к установлению принципа *семья для государства*. Нуклеаризация советской семьи шла полным ходом, но определяющее значение в этом процессе имело государство, что характеризует переход Советской России в 1917–1940 гг. от аграрного общества к индустриальному как модернизацию «сверху».

Если принцип патриархальности в ментальности русского крестьянства достаточно успешно подвергался трансформациям в модернизационном ключе, что объясняется объективными причинами, и в первую очередь демографическим переходом, произошедшим или происходящим во многих странах мира того периода, то складывающаяся веками религиозность русского народа имела фундаментальный характер, потому требовались серьезные, если не сказать грандиозные, усилия для того, чтобы её искоренить. Официальная идеология Советской власти — коммунизм — изначально предполагала свою несовместимость с религией. Потому практически с момента своего прихода к власти большевики стали постоянно подчеркивать антирелигиозную направленность своей политики. Декрет от 20 января (28 февраля) 1918 г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» провозгласил отделение Церкви от государства и школы, а также ввел ограничительные меры, касающиеся в первую очередь церковного имущества². Во многом это было предопределено тем фактом, что Русская

Православная Церковь (РПЦ) в дореволюционном российском обществе воспринималась как составная часть имперского государственного механизма управления, с которым Советская власть стремилась покончить³.

На первых порах Советское государство в борьбе с религией и Церковью использовало преимущественно силовые методы, которые даже получили название «штурм небес». В качестве основных мер, используемых в рамках указанного «штурма», следует назвать субботники и воскресники; использование церковного имущества для утилитарных целей, не связанных с отправлением религиозного культа; выпуск антицерковной и антирелигиозной периодики и отдельных публикаций на указанную тематику; кампания вскрытия и «разоблачения» святых мощей; показательные общественные суды над религией и священнослужителями; кампания по изъятию церковных ценностей; курс на разрушение РПЦ изнутри; антирелигиозные мероприятия комсомола («комсомольское рождество», «комсомольская пасха» и т.д.)⁴. Однако интенсивность этих мер возымела практически обратный эффект, выразившийся в серьезном сопротивлении верующих.

Ближе к середине 1920-х гг. основные методы антирелигиозной деятельности Советского государства стали меняться. Подобная трансформация была обусловлена и внутрипартийными дискуссиями 1920-х гг., и сравнительно небольшой результативностью «штурма небес». Главное изменение было связано с новым качеством антирелигиозной пропаганды, когда воинствующий атеизм, отрицавший старые ценности, но формировавший новые в сильно аморфном виде, должен был уступить место планомерной и продолжительной естественнонаучной и культурной работе, в ходе которой у населения должны были сформироваться материалистическое мировоззрение и научная картина мира⁵.

Нельзя сказать, что прежние методы работы безвозвратно ушли в прошлое, а новый вектор антирелигиозной деятельности привел к сногшибательным результатам, но появившиеся разнообразные

¹ Демографическая модернизация России, 1900–2000. С. 69.

² Слезин А. А. За «новую веру». Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодежи РСФСР (1918–1929 гг.). М., 2009. С. 11.

³ Слезин А. А. За «новую веру». Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодежи РСФСР (1918–1929 гг.). С. 17.

⁴ Слезин А. А. За «новую веру». Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодежи РСФСР (1918–1929 гг.). С. 18–65.

⁵ Слезин А. А. За «новую веру». Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодежи РСФСР (1918–1929 гг.). С. 66.

формы государственного контроля в духовной сфере способствовали появлению «новой веры»: «Из марксизма-ленинизма большевистская власть сама делала новую религию, вернее, квазирелигию. Как во многих религиях, господствующим принципом мышления становился догматический, утверждалась фанатическая агрессивность по отношению к другим религиям, формировался свой культ. В отличие от классического марксизма, относившегося к любой религии отрицательно, но без агрессивности, большевистские практики превратили отношение к религии в неприкрытую ненависть. Церковь воспринималась как идеологический противник, из-под влияния которого в первую очередь надо вырвать молодёжь. Поэтому при осуществлении политического контроля среди молодёжи 1920-х годов, советское государство большое внимание уделяло, на первый взгляд, второстепенным сферам жизни общества: быту, обрядам, народному творчеству и т.п. На самом деле именно победы на «фронте повседневности» были определяющими для переориентирования общества от традиционных религий к коммунистической квазирелигии»¹.

Начиная со второй половины 1920-х гг. Советское государство вновь стало возвращаться к методам «штурма небес», которые теперь привязывались к проводимым в ходе «великого перелома» коллективизации и индустриализации. Однако поставленной цели Советской власти в этот период достигнуть не удалось: «... формировалось своеобразное новое «двоеверие», раздвоение правовой психологии: в условиях системы, основанной на страхе, человек публично говорил одно, а думал другое. Страх подсказывал одно, совесть — другое»².

Внутрипартийная борьба и проводимые И. В. Сталиным репрессии в 1930-е гг., казалось бы, должны были окончательно утвердить в умах и сердцах людей антирелигиозные принципы, однако краткий период осуществляемой антирелигиозной деятельности ещё не давал необходимого эффекта. Как и «великий перелом», борьба с религией должна была укладываться в пятилетний план: «... к 1932–1933 годам должны были закрыться все церкви, молитвенные дома, синагоги и мечети; к 1933–1934 годам — исчезнуть все религиозные

представления, привитые литературой и семьёй; к 1934–1935 гг. — страну необходимо было охватить тотальной пропагандой; к 1935–1936 гг. должны были исчезнуть последние молитвенные дома и все священнослужители; а к 1936–1937 гг. — религию требовалось изгнать из самых укромных её уголков»³.

Несмотря на все разнообразие и масштабность принятых мер религиозность советских людей продолжала сохраняться на очень высоком уровне. По данным переписи 1937 г. около половины взрослого населения указали, что считают себя верующими⁴. Нельзя сказать, что антирелигиозная деятельность Советского государства была полностью нулевой: начало было положено. Но инерционность сознания всегда требует достаточно длительного периода для трансформаций. А пока Советской власти удалось создать определённую подмену религиозных ценностей, когда место христианства (ислама, иудаизма и т.д.) стал занимать коммунизм (марксизм-ленинизм); Иисуса Христа — культ Ленина (позже Сталина); храмов и церквей — Мавзолеев и избы-читальни; икон и святых — портреты лидеров партии и новые герои; Пасхи и Рождества — советские праздники и т.д.⁵.

Ещё один важнейший принцип крестьянского менталитета — монархизм — исчез относительно быстро. Как было указано выше, личность Николая II уже в годы Первой мировой войны вызывала серьёзное неприятие, особенно ближе к её окончании. Важнейшим шагом в данном отношении стали последствия Февральской революции 1917 г., когда последний российский император отказался за себя и своего сына от престола, а его брат Михаил не пожелал взять столь тяжёлую ношу на свои плечи. Однако нельзя сказать, что после марта 1917 г. монархизм в мировоззрении российского крестьянства исчез бесследно. Эта идея неплохо эксплуатировалась Советской властью при установлении нового секулярного сознания, когда сначала культивировалась личность Ленина, а затем — Сталина. Но если культ Ленина складывался в относительно естественных условиях, то культ Сталина — в ходе

¹ Слезин А. А. За «новую веру». Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодёжи РСФСР (1918–1929 гг.). С. 158–159.

² Слезин А. А. За «новую веру». Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодёжи РСФСР (1918–1929 гг.). С. 225.

³ Слезин А. А. «Безбожие» в 1930-е годы: апогей или кризис? // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета: сборник научных трудов. Вып. 3. СПб., 2005. С. 116.

⁴ Слезин А. А. «Безбожие» в 1930-е годы: апогей или кризис? С. 117–118.

⁵ Слезин А. А. За «новую веру». Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодёжи РСФСР (1918–1929 гг.). С. 136–157.

внутрипартийной борьбы и политических репрессий 1920-х — 1930-х гг. Во многом опираясь, в том числе, и на дореволюционные ценности крестьянского монархизма, Сталин сумел выстроить свой непререкаемый авторитет таким образом, что после его смерти очень огромное количество советских людей, большая часть жизни которых прошла исключительно в его правление, почувствовали себя обездоленными сиротами.

Принципы уравнительного землепользования (или социальная справедливость) и общинный коллективизм, сочетающийся с индивидуальными началами, — две установки традиционного крестьянского менталитета, которые, в отличие от предыдущих трех, вписывались в провозглашаемые лозунги советской власти и её идеологию. Главным социальным институтом, на основе которого эти принципы процветали, являлась крестьянская община, определяемая как «форма совместного пользования землей и самоуправления русского крестьянства»¹. Следует заметить, что действенность и популярность этого института пришлось на годы Гражданской войны и «военного коммунизма», когда крестьяне с помощью общинных отношений в коллективном единении преодолевали в своем хозяйстве трудности военно-революционного времени. В дальнейшем, когда эти трудности были более или менее пройдены, крестьянство по-прежнему нуждалось в исполнении общиной своих функций, но участие в общинных институтах самоуправления утратило в глазах крестьян свою привлекательность. Постепенно, по мере усиления Советской власти и проведения индустриализации «функции общины размывались по общественным институтам, в частности, переходили к административному аппарату»².

В целях усиления контроля над деревней Советское государство приступило к политике коллективизации. Идеи уравнительного землепользования и общинного коллективизма получили «второе дыхание», но при абсолютно другой интерпретации. Коллективные хозяйства предполагали обобществление собственности, что вызывало наибольший негатив среди крестьянства, так как противоречило принципу индивидуальных начал ведения крестьянского хозяйства: «Деление на бедняков и середняков в сознании крестьян ассоциировалось с наличием собственного хозяйства, его

размерами и прочими характеристиками. В колхозе же они перестали быть самостоятельными хозяевами, но и подлинными хозяевами колхоза, как это декларировала власть, не стали...»³. Именно этот пункт был основой многочисленных фактов сопротивления крестьян коллективизации. Однако жесткие меры её осуществления в конечном итоге привели Советскую власть к желаемой цели — огосударственным колхозам, а репрессивные методы (к примеру, раскулачивание) сломили наметившееся противодействие. Потому принцип общинного коллективизма был фактически подменен принципом жесткого государственного контроля, а принцип уравнительного землепользования — принципом государственной (социалистической) собственности на средства производства.

Таким образом, Первая мировая война сыграла роль «вызова» к российской (славянской) цивилизации, «ответом» на который должно было стать дальнейшее проведение модернизации. Однако этот «вызов» был настолько сильным, что Россия в своем сопротивлении ему пошла по пути отклоняющейся модели перехода от традиционного общества к современному. Ярким примером необходимо считать проявления духовной модернизации. Основные традиционные ценности крестьянского менталитета стали меняться, но не в русле европейской модернизации, а в рамках идеологических установок Советского государства. В межвоенный период был, безусловно, совершен прорыв в повышении образовательного и культурного уровня советских людей, но не в плане формирования общечеловеческих ценностей, а в направлении развития коммунистического мировоззрения, приправленного сталинским тоталитарным мышлением. Борьба с религиозностью русского народа имела определенные успехи в 1920-е — 1930-е гг., но вела она не столько к светскому образу жизни, а всё к тому же идеологическому монополизму. Естественно, что в таких обстоятельствах сложно говорить и о каких-либо проявлениях мультикультурализма. В итоге, следует констатировать необходимость очередного «вызова» к российской (славянской) цивилизации для дальнейшей корректировки модернизационных преобразований, которым должны были стать Вторая мировая и Холодная войны.

¹ Безгин В. Б., Юдин А. Н. Политика большевизма и судьба русской общины // Политика и общество. 2011. № 6. С. 84.

² Безгин В. Б., Юдин А. Н. Политика большевизма и судьба русской общины С. 94.

³ Глумная М. К характеристике колхозного социума 1930-х гг. (на материалах колхозов Европейского Севера России) // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке». Токио, 2005. С. 268.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акопов Г. В., Иванова Т. В. Феномен ментальности как проблема сознания // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 1. С. 47–55.
2. Безгин В. Б. «Царь-Батюшка» и «Народ-Богоносец» (крестьянский монархизм конца XIX — начала XX вв. // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета: сборник научных трудов. Вып. 2. СПб.: Нестор, 2004. С. 29–34.
3. Безгин В. Б. Положение членов крестьянской семьи по правовым обычаям русского села // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8). Ч. 2. С. 12–15
4. Безгин В. Б., Юдин А. Н. Политика большевизма и судьба русской общины // Политика и общество. 2011. № 6. С. 85–97.
5. Глумная М. К характеристике колхозного социума 1930-х гг. (на материалах колхозов Европейского Севера России) // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке» / Под ред. Хириси Окуда. Токио, 2005. С. 265–279.
6. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 4. Оп. 1.
7. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А. Г. Вишневецкого. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.
8. Кожевникова Л. М. Роль крестьянской общины в аграрной истории и судьбе России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13). Ч. 3. С. 85–90.
9. Красильщиков В. А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 40–56.
10. Кусов В. Г. Категория ментальности в социологическом измерении // Социс. 2000. № 9. С. 132–136
11. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
12. Ле Гофф Ж. С небес на землю: (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII — XIII вв.) // Одиссей. Человек в истории: Культурно-антропологическая история сегодня: Сборник. М.: Наука, 1991. С. 25–47.
13. Медведев Д. Россия, вперед! 10 сентября 2009 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/news/5413>.
14. Модернизация России и Европа: материалы круглого стола, проведенного 18.03.2004. URL: http://www.zlev.ru/41_40.htm (дата обращения: 26.08.2013).
15. Мясникова Н. В. Женский протест и его роль в исторических событиях // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10). Ч. 3. С. 119–123.
16. Пиков Г. Г. Первая мировая война и «закат» Европы // Идеи и идеалы. 2010. № 4 (6). Т. 1. С. 54–69.
17. Полежаев Д. В. «Золотой век» русской философии и Первая мировая война // Первая мировая война: история и психология: Материалы Российской научной конференции / Под ред. В. И. Страцева и др. СПб.: Нестор, 1999. С. 11–18.
18. Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918). Екатеринбург: УрО РАН, 2000. 416 с.
19. Российская ментальность. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 3–53.
20. Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 1999. 564 с.
21. Самохин К. В. Модернизация Российской империи в начале XX века // Политика и общество. 2014. № 1. С. 47–60. DOI: 10.7256/1812–8696.2014.1.9442.
22. Самохин К. В. Северная война: первый опыт российской модернизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14). С. 180–185.
23. Самохин К. В. Социальная модернизация России во второй половине XIX — первые годы XX веков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31). Ч. 2. С. 168–172.
24. Самохин К. В. Тамбовское крестьянство в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.): Монография. СПб.: Нестор, 2004. 122 с.

25. Слезин А. А. «Безбожие» в 1930-е годы: апогей или кризис? // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета: сборник научных трудов. Вып. 3. СПб.: Нестор, 2005. С. 115–120.
26. Слезин А. А. За «новую веру». Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодежи РСФСР (1918–1929 гг.). М.: Российская академия естествознания, 2009. 242 с.
27. Тойнби А. Дж. Исследование истории: В 3 т. / Пер. с англ., вступ. статья и коммент. К. Я. Кожурина. СПб.: Изд-во С. — Петерб. ун-та: «Издательство Олега Абышко», 2006. Т. 1. 408 с. Т. 3. 479 с.
28. Федорченко С. З. Народ на войне. М.: «Советский писатель», 1990. 400 с.
29. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность / Пер. с нем. Н. Ф. Гарелин. Минск: «Попурри», 2009. 656 с.
30. Щербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX вв. Монография. Тамбов: «Издательство Юлис», 2004. 508 с.
31. В. А. Ванин, А. А. Слезин. Тенденция к романтизации в идейно-воспитательной работе комсомола в середине 1950-х годов // Исторический журнал: научные исследования. — 2013. — № 1. — С. 104–107. DOI: 10.7256/2222–1972.2013.01.8
32. А. А. Слезин. История раннего комсомола: к характеристике архивно-источниковой базы // Исторический журнал: научные исследования. — 2012. — № 5. — С. 104–107.
33. А. А. Слезин, О. В. Щупленков. Российская молодежь эмиграции первой волны как историческое национально-культурное явление // Философия и культура. — 2012. — № 7. — С. 104–107.
34. А. А. Слезин, О. В. Щупленков. Общественно-политические течения молодежи Российского Зарубежья 1920–1930-х гг. в поисках сохранения национальной идентичности // Право и политика. — 2012. — № 7. — С. 104–107.
35. Безгин В. Б.. Правовые обычаи в обыденном сознании и повседневной жизни российского крестьянства второй половины XIX — начала XX века // Право и политика. — 2013. — № 10. — С. 104–107. DOI: 10.7256/1811–9018.2013.10.9640
36. В. Б. Безгин. Сельская власть и ее должностные лица в восприятии русских крестьян (вторая половина XIX-начало XX века). // Право и политика. — 2010. — № 11
37. К. А. Пахалюк Идеологические причины делегитимизации самодержавия в России // Исторический журнал: научные исследования. — 2012. — 5. — С. 45–52.
38. А. А. Болтаевский Салоникский фронт в планах Антанты и германского блока в годы Первой мировой войны // Исторический журнал: научные исследования. — 2012. — 4. — С. 62–68.
39. Е. А. Воронцова Мобилизация российской промышленности в годы Первой мировой войны по материалам «Известий Центрального военно-промышленного комитета» // Исторический журнал: научные исследования. — 2013. — 1. — С. 94–103. DOI: 10.7256/2222–1972.2013.01.10.
40. Алейников А. В. Системные конфликты в России: концептуальные основания анализа. Статья 1. // NB: Проблемы общества и политики. — 2013. — 7. — С. 94–140. DOI: 10.7256/2306–0158.2013.7.2306. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_2306.html
41. Алейников А. В. Системные конфликты в России: концептуальные основания анализа. Статья II. // NB: Проблемы общества и политики. — 2013. — 8. — С. 1–47. DOI: 10.7256/2306–0158.2013.8.5109. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_5109.html
42. В. В. Захаров Перед решающей схваткой: Красная Армия и германский вермахт в 1939–1941 годах // Исторический журнал: научные исследования. — 2011. — 3. — С. 27–36.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Akopov G. V., Ivanova T. V. Fenomen mental'nosti kak problema soznaniya // Psikhologicheskii zhurnal. 2003. T. 24. № 1. S. 47–55.
2. Bezgin V. B. 'Tsar'-Batyushka' i 'Narod-Bogonosets' (krest'yanskii monarkhizm kontsa XIX — nachala XX vv. // Trudy kafedry istorii i filosofii Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta: sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 2. SPb.: Nestor, 2004. S. 29–34.
3. Bezgin V. B. Polozhenie chlenov krest'yanskoi sem'i po pravovym obyčajam russkogo sela // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2011. № 2 (8). Ch. 2. S. 12–15

4. Bezgin V. B., Yudin A. N. Politika bol'shevizma i sud'ba russkoi obshchiny // Politika i obshchestvo. 2011. № 6. S. 85–97.
5. Glumnaya M. K karakteristike kolkhoznogo sotsiuma 1930-kh gg. (na materialakh kolkhozov Evropeiskogo Severa Rossii) // XX vek i sel'skaya Rossiya. Rossiiskie i yaponskie issledovateli v proekte 'Istoriya rossiiskogo krest'yanstva v XX veke' / Pod red. Khiroshi Okuda. Tokio, 2005. S. 265–279.
6. Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti (GATO). F. 4. Op. 1.
7. Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000 / Pod red. A. G. Vishnevskogo. M.: Novoe izdatel'stvo, 2006. 608 s.
8. Kozhevnikova L. M. Rol' krest'yanskoi obshchiny v agrarnoi istorii i sud'be Rossii // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2011. № 7 (13). Ch. 3. S. 85–90.
9. Krasil'shchikov V. A. Modernizatsiya i Rossiya na poroge XXI veka // Voprosy filosofii. 1993. № 7. S. 40–56.
10. Kusov V. G. Kategoriya mental'nosti v sotsiologicheskom izmerenii // Sotsis. 2000. № 9. S. 132–136
11. Levi-Bryul' L. Sverkh' estestvennoe v pervobytnom myshlenii. M.: Pedagogika-Press, 1994. 608 s.
12. Le Goff Zh. S nebes na zemlyu: (Peremeny v sisteme tsennostnykh orientatsii na khristianskom Zapade XII — XIII vv.) // Odissei. Chelovek v istorii: Kul'turno-antropologicheskaya istoriya segodnya: Sbornik. M.: Nauka, 1991. S. 25–47.
13. Medvedev D. Rossiya, vpered! 10 sentyabrya 2009 // Prezident Rossii. URL: <http://www.kremlin.ru/news/5413>.
14. Modernizatsiya Rossii i Evropa: materialy kruglogo stola, provedennogo 18.03.2004. URL: http://www.zlev.ru/41_40.htm (data obrashcheniya: 26.08.2013).
15. Myasnikova N. V. Zhenskii protest i ego rol' v istoricheskikh sobytiyakh // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2011. № 4 (10). Ch. 3. S. 119–123.
16. Pikov G. G. Pervaya mirovaya voina i 'zakat' Evropy // Idei i idealy. 2010. № 4 (6). T. 1. S. 54–69.
17. Polezhaev D. V. 'Zolotoi vek' russkoi filosofii i Pervaya mirovaya voina // Pervaya mirovaya voina: istoriya i psikhologiya: Materialy Rossiiskoi nauchnoi konferentsii / Pod red. V. I. Stratseva i dr. SPb.: Nestor, 1999. S. 11–18.
18. Porshneva O. S. Mentalitet i sotsial'noe povedenie rabochikh, krest'yan i soldat Rossii v period Pervoi mirovoi voiny (1914 — mart 1918). Ekaterinburg: UrO RAN, 2000. 416 s.
19. Rossiiskaya mental'nost'. Materialy 'kruglogo stola' // Voprosy filosofii. 1994. № 1. S. 3–53.
20. Rossiya i Pervaya mirovaya voina (materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma). SPb.: Izdatel'stvo 'Dmitrii Bulanin', 1999. 564 s.
21. Samokhin K. V. Modernizatsiya Rossiiskoi imperii v nachale KhKh veka // Politika i obshchestvo. 2014. № 1. S. 47–60. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.1.9442.
22. Samokhin K. V. Severnaya voina: pervyi opyt rossiiskoi modernizatsii // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2011. № 8 (14). S. 180–185.
23. Samokhin K. V. Sotsial'naya modernizatsiya Rossii vo vtoroi polovine XIX — pervye gody XX vekov // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2013. № 5 (31). Ch. 2. S. 168–172.
24. Samokhin K. V. Tambovskoe krest'yanstvo v gody Pervoi mirovoi voiny (1914 — fevral' 1917 gg.): Monografiya. SPb.: Nestor, 2004. 122 s.
25. Slezin A. A. 'Bezbozhie' v 1930-e gody: apogei ili krizis? // Trudy kafedry istorii i filosofii Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta: sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 3. SPb.: Nestor, 2005. S. 115–120.
26. Slezin A. A. Za 'novuyu veru'. Gosudarstvennaya politika v otnoshenii religii i politicheskii kontrol' sredi molodezhi RSFSR (1918–1929 gg.). M.: Rossiiskaya akademiya estestvoznaniya, 2009. 242 s.
27. Toinbi A. Dzh. Issledovanie istorii: V 3 t. / Per. s angl., vstup. stat'ya i komment. K. Ya. Kozhurina. SPb.: Izd-vo S. — Peterb. un-ta: 'Izdatel'stvo Olega Abyshko', 2006. T. 1. 408 s. T. 3. 479 s.
28. Fedorchenko S. Z. Narod na voine. M.: 'Sovetskii pisatel', 1990. 400 s.
29. Shpengler O. Zakat Evropy: Ocherki morfologii mirovoi istorii. T. 1. Obraz i deistvitel'nost' / Per. s nem. N. F. Garelin. Minsk: 'Popurri', 2009. 656 s.

30. Shcherbinin P. P. Voennyi faktor v povsednevnoi zhizni russkoi zhenshchiny v XVIII — nachale XX vv. Monografiya. Tambov: 'Izdatel'stvo Yulis', 2004. 508 s
31. V. A. Vanin, A. A. Slezin. Tendentsiya k romantizatsii v ideino-vospitatel'noi rabote komsomola v seredine 1950-kh godov // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. — 2013. — № 1. — S. 104–107. DOI: 10.7256/2222–1972.2013.01.8
32. A. A. Slezin. Istoriya rannego komsomola: k kharakteristike arkhivno-istochnikovoi bazy // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. — 2012. — № 5. — S. 104–107.
33. A. A. Slezin, O. V. Shchuplenkov. Rossiiskaya molodezh' emigratsii pervoi volny kak istoricheskoe natsional'no-kul'turnoe yavlenie // Filosofiya i kul'tura. — 2012. — № 7. — S. 104–107.
34. A. A. Slezin, O. V. Shchuplenkov. Obshchestvenno-politicheskie techeniya molodezhi Rossiiskogo Zarubezh'ya 1920–1930-kh gg. v poiskakh sokhraneniya natsional'noi identichnosti // Pravo i politika. — 2012. — № 7. — S. 104–107.
35. Bezgin V. B.. Pravovye obychai v obydennom soznanii i povsednevnoi zhizni rossiiskogo krest'yanstva vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka // Pravo i politika. — 2013. — № 10. — S. 104–107. DOI: 10.7256/1811–9018.2013.10.9640
36. V. B. Bezgin. Sel'skaya vlast' i ee dolzhnostnye litsa v vospriyatii russkikh krest'yan (vtoraya polovina XIX-nachalo XX veka). // Pravo i politika. — 2010. — № 11
37. K. A. Pakhalyuk Ideologicheskie prichiny delegitimizatsii samodержaviya v Rossii // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. — 2012. — 5. — C. 45–52.
38. A. A. Boltaevskii Salonikskii front v planakh Antanty i germanskogo bloka v gody Pervoi mirovoi voiny // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. — 2012. — 4. — C. 62–68.
39. E. A. Vorontsova Mobilizatsiya rossiiskoi romyshlennosti v gody Pervoi mirovoi voiny po materialam 'Izvestii Tsentral'nogo voenno-promyshlennogo komiteta' // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. — 2013. — 1. — C. 94–103. DOI: 10.7256/2222–1972.2013.01.10.
40. Aleinikov A. V. Sistemnye konflikty v Rossii: kontseptual'nye osnovaniya analiza. Stat'ya 1. // NB: Problemy obshchestva i politiki. — 2013. — 7. — C. 94–140. DOI: 10.7256/2306–0158.2013.7.2306. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_2306.html
41. Aleinikov A. V. Sistemnye konflikty v Rossii: kontseptual'nye osnovaniya analiza. Stat'ya II. // NB: Problemy obshchestva i politiki. — 2013. — 8. — C. 1–47. DOI: 10.7256/2306–0158.2013.8.5109. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_5109.html
42. V. V. Zakharov Pered reshayushchei skhvatkoi: Krasnaya Armiya i germanskii vermakht v 1939–1941 godakh // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. — 2011. — 3. — C. 27–36.